

ЭКСПЕДИЦИЯ НА ПЕРИМ

О ЧЕРК ВТОРОЙ

Е. ГЛУЩЕНКО

Специальный корреспондент журнала

ТБЕЗД в пустыню был назначен на восемь утра. К этому времени группа советских специалистов собралась в вестибюле аденской гостиницы «Амбасадор». Вид был уже дорожный: широкополые простые шляпы, грубые брюки, раздувшиеся портфели. Мы дожидались машины, выглядывали на улицу и снова садились под вентилятор, который поворачивался в обе стороны, никого не забывая. Аниса, миловидная девушка-портые, с интересом наблюдала за нами из-за своего прилавка, поглядывая то на одного, то на другого, как будто участвуя в разговоре, и не переставала жевать мятную резинку.

Оба «лендровера» подъехали минут через пятнадцать. В кузове лежали походные кровати, одеяла, провизия на несколько дней и бачок-термос с холодной водой, ставший впоследствии самым популярным предметом экипировки. Среди приехавших был повар — маленький человек с лукавым лицом, в синих, севших после стирки штанах, с маленькими руками и ногами. Несколько лет назад его отправили вместе с командой принимать судно в Англии, и затем, на обратном пути, он обошел всю Европу, побывал во Франции, Испании, Португалии, Италии, всюду, не зная никакого языка, кроме родного, покупал продукты, и один, без сменщика, целыми днями готовил еду. Это путешествие осталось лучшим воспоминанием его жизни, и он не раз за четыре дня пути пытался рассказать мне о себе, пользуясь несколькими английскими словами. В дороге он молча сидел среди коробок с консервами, одной рукой держась за что-то, а другой усмиряя куп-

ленную в селении курицу, и вдруг начинал петь. На стоянках повар сразу же исчезал, и потом мы его видели торопливо несущим большую кастрюлю супа. Он оказался самым популярным членом экипажа.

Час езды по шоссе был приятным и неутомительным. Воздух, еще прохладный, туго бил в лицо, часто меняя запах. На дамбе возле Хормаксара он принес запах водорослей и акульего жира, которым пропитывают на местной верфи рыбацкие суда-самбуки, в Шейх-Османие запахло пылью и базаром, в Малом Адене — газом. Мы проехали мимо огромных серебрястых баков нефтеочистительного завода с зелеными буквами «ВР» («Бритиш Петролеум») на стенах, мимо бледного при солнце факела, который хорошо и далеко виден ночью, мимо старого солдатского кладбища и большого белого креста на груди камней, миновали гору, куда два года назад некий уезжавший из Адена англичанин затащил вертолетом свой автомобиль и затем продавал его за шиллинг, — и тогда за поворотом открылся океан. Шоссе кончилось, предстояло ехать по пустыне.

Первые километры машины довольно бойко шли по утрамбованной волнами полосе отличия. Под боком умиротворенно шелестел, сверкая вдали бликами, океан, зеленые крабы со всех ног неслись к воде, бросив на суше дома и имущество. Скоро песок стал рыхлым. Водитель нервно включал вторую ведущую пару колес, переключал скорости, но «лендровер» все равно буксовал и не мог двинуться с места. В конце концов мотор упрямо заглох, и Абдалла, до того с надеждой давив-

ПУТЕШЕСТВИЯ
ВСТРЕЧИ
ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ший на стартер, трагическим голосом что-то воскликнул (должно быть, «Все кончено!») и в отчаянье вполне театрально опустил руки. Мы же, пассажиры, отнеслись к случившемуся спокойно — русские дороги давно научили нас хладнокровию в таких случаях. Все вышли, уперлись руками в кузов, и машина, хоть и медленно, выбралась из глубокого песка.

Второй «лендровер» ушел вперед и остановился на холме. Его водитель Салех, увидав издали, как наше затруднение, уже бежал на помощь. С разбега он прыгнул на переднее крыло «лендровера» и энергичными жестами, громко крича, стал указывать направление к дороге. Он соскакивал на песок, подталкивал «лендровер», вытирал рукавом пот и снова прыгал на крыло. Убедившись, что дальше Абдалла сможет справиться сам, Салех дал ему напоследок очень решительные указания — громко, дополняя резкими жестами обеих рук, — повторил наставления еще раз и, недоверчиво взглянув на него, побежал к своей машине. Абдалла уже успокоился, высунулся в окно и с неудовольствием что-то крикнул ему вслед. Тот не обернулся.

За большим рыбацким поселком Имраном дорога отходит от берега километров на пять-шесть. Строго говоря, дороги нет, вместо нее — несколько параллельных следов от колес.

Временами машина идет по пустыне, как по асфальту, потом начинаются гофрированные пески, вади — сухие русла весенних потоков, бугры, ямы. Водителю приходится быстрыми короткими движениями крутить руль, мельком взглядывая по сторонам и часто притормаживать, чтобы не слишком мучить автомобиль и пассажиров.

Солнце поднялось высоко, ветер раскалится, стенки и дверцы машины тоже. Незаметно для меня высунутый наружу локоть стал густо-красным, и я поспешил его спрятать.

Справа сквозь марево темнели горы. Из-под песка пробивалась клочками зеленая жизнь, привыкшая только к тяготам. Кочки, поросшие бурой травой, походили на горбы засыпанных песком верблюдов — будто огромное стадо улеглось однажды на ночлег, а утром после бури остались видны лишь горбы. Так и в самом деле здесь бывает.

Между руслами ручьев росли насквозь пропыленные кусты и небольшие подагрические деревья, терпеливо дождавшиеся новой весны и новых потоков. Около кустов стояли живые верблюды и неторопливо, самоуглубленно, растягивая удовольствие, обрывали один за другим серые листья.

Завидев верблюдов, водитель загудел, но только один обратил на сигнал внимание. С деланным испугом он скакнул раза три, высоко подбрасывая задние ноги, и, считая, что этого с нас вполне достаточно, снова взялся за куст, бесстрастный и недоступный, и даже не взглянул в нашу сторону.

За четыре часа пути всего две машины попались навстречу. Одна, такая же как и наш «лендровер», без верха, с красными и желтыми цветами на синих бочках, была полна стоявших в ней людей. Они держались за стойки, на которые натягивается брезентовый верх, их немилосердно трясло и качало, но, поравнявшись с нами, они развеселились, стали кричать и махать руками, показывая, что в общем им эта дорога нипочем, хотя пришлось простоять уже не меньше часа, а может, и больше.

ПРИВАЛ В ХУРУМЕЙРЕ

Привал и обед решено было устроить в прибрежном поселке Хурумейре на полпути к конечной цели экспедиции — острову

Перим. Наше появление все жители поселка восприняли как большое событие. Мы еще выходили из машины, а вокруг уже стояло несколько рядов зрителей, главным образом женщины и дети; мужчины держались поодаль. Дети смотрели сосредоточенно, женщины — ни одной с закрытым лицом! — держа по младенцу на бедре, обсуждали наш вид и коротко хихикали. На головах у них были большие черные тюрбаны, от которых сбоку свисали до плеч куски материи. Впервые за два месяца я увидел на людях те удивительные золотые украшения — толстые браслеты на руках и ногах, шейные кольца и подвески, — которые в изобилии лежат на прилавках Адена. Ничуть не стесняясь, женщины заглядывали к нам в машины, весело смеялись, и на их татуированных лицах двигались черные полоски и крестики, меж черными губами белели зубы.

Потом мы сидели на красных подушках на террасе общественного дома — нечто вроде местного клуба (комната с фанерными стенами и терраса); экономисты и промысловики пытались выяснить, какие в поселке уловы, мужчины вразнобой называли цифры; дети непроницаемой стеной обступили терраску, упоенно глядели на нас, оттирая маленьких, и те зло плакали, требуя права на зрелище. Самая старая и смелая из женщин, обильно раскрашенная и татуированная, села на пол напротив Светланы, которая старательно записывала самые противоречивые сведения, и, не отвываясь, с восторгом разглядывала ее лицо.

Рыбаки тоже сидели на голом полу, поджав темные, с белесым налетом соли, ноги, их лица были спокойны и доверчивы. Только один — он устроился на перилах, — лучше одетый, опоясанный патронташем и с винтовкой, видимо, не рыбак, смотрел на собрание с неизменной саркастической улыбкой, как человек посторонний, но знающий, что к чему. В его неожиданно серых глазах было заметно презрение к людям, к их жизни и даже освобождение от обязательств для остальных моральных запретов, которое не предвещает добра.

Когда в беседе наступил кризис и русские «рыбники» стали спорить друг с другом, желая установить истину, я протиснулся сквозь детский заслон и пошел

бродить по поселку. Все строения оказались сделанными из старых ящиков, и поэтому сами походили на большие ящики, почти без окон, иногда двухэтажные с балконами, завешанными тряпками или циновками. Не было ни улиц, ни палисадников, только несколько тропинок. Цветом дома мало отличались от пустынной земли, засыпанной щебнем и маленькими ржавыми банками из-под тунца, приготовленного в Японии. Среди банок, разбрасывая их копытами, опустив морды, брели два осла и подбирали что-то им одним ведомое и, должно быть, съедобное.

Дома и воздух давно пропахли гниющей рыбой, и никакой самый сильный ветер уже не мог унести эту вонь.

На берегу сушили сети, лежали панцири огромных морских черепах, а сами зеленые черепахи, еще живые, но уже обреченные, плавали и ныряли в нескольких метрах от поселка — каждая была привязана за ногу длинной веревкой. Это самый простой и эффективный способ сохранить мясо в ожидании покупателей, когда нет холодильников. Однажды среди жаркого дня в поселок приедет обшарпанный «лендровер» и заберет черепашие мясо, рыбаки получат хорошую плату, больше, чем за рыбу, а панцири останутся на берегу, как кузова старых автомобилей, с которых сняли колеса.

Я шел у самой воды, под ногами валялся хлам, не нужный ни людям, ни океану. При мне океан выбросил к двери хибарки черного дохлого козленка, мальчишка взял весло с круглой лопастью, отбросил его назад в воду и ушел. Океан недолго повозился с козленком и снова вернул его поселку.

Совещание на терраске закончилось, и как только принесли обед, зрители тут же исчезли, боясь, что мы подумаем, если они останутся, будто они голодны. Они снова появились возле нас, когда мы стали укладывать вещи и посуду в машины, готовясь к отъезду. Старуха, не сводившая со Светланы глаз, взяла ее за руку и повела в свой дом, что-то рассказывая на ходу, смеясь над своим рассказом, поблескивая золотыми зубами. Она считала свой дом лучшим в Хурумейре, у нее было несколько комнат, любимые стол и шкаф и даже душ — такого больше ни у кого не было. Хозяйка завела

Народная Республика Южного Йемена. Султаны и эмиры строили свои дворцы на самом высоком месте, над городом.

Фото ТАСС

Светлану в чуланчик с душем и стала упрашивать вымыться, громко повторяя одни и те же слова, как многие наивные люди, полагая, что иностранец — это просто глухой человек. В таких случаях иностранец невольно

поддерживает эту версию — когда ему надоедает повторение непонятных звуков, он начинает согласно кивать головой, чтобы быстрее отвязаться от назойливого собеседника, а тот думает, что его поняли.

Светлана в самом деле все поняла, но из застенчивости отказалась от душа. Старуха все равно была счастлива: она вывела из-за занавески отчаянно смутившихся девочек-подростков, они нервно улыбались, отворачи-

вались, готовые заплакать, старуха их в чем-то убеждала и вдруг, уступив требованию бабки, преодолев мучительную робость, они рванулись к гостье и поцеловали ее, одна в руку, другая в плечо, чем приехали в состояние близкое к панике. Хозяйка хотела, чтобы странная ученая женщина почувствовала, что ее тут уважают, поэтому она так настойчиво требовала от внучек этого традиционного йеменского приветствия.

Мальчишки и женщины уже привыкли к нам, и взгляды их теперь не были неутоленно любопытными, как еще три часа назад. Дети порою даже забывали, что следует нас разглядывать, и затевали возню между собою, со своими одинаково тощими и рыжими псами.

Среди женщин стояла, подбоченясь и независимо улыбаясь, главная красавица Хурумейра. Ей было лет двадцать пять — двадцать семь. Ни татуировки, ни желтой краски, которой жительницы пустыни покрывают лицо, чтобы оно было светлее. И губы некрашены. Никаких украшений, и только ей одной позволенная вольность — блузка из черной прозрачной материи, под которой достаточно ясно была видна полная грудь. С ее появлением повар и Салех оживились. Держа в руках кастрюли и тарелки, забыв, что их надо засунуть в коробку, стали наперегонки острить, провоцируя ее, очевидно, весьма фривольные ответы. Общество было в высшей степени довольно. Первая женщина Хурумейра чувствовала себя на эстраде, и успех делал ее еще более находчивой, остроумной, независимой. Сама она не смеялась, только улыбалась и наконец после самого своего удачного ответа, завершив им выступление, повернулась и пошла к домам, босыми ногами по горячему песку и острым камням — по тротуару на каблуках она бы не смогла пройти так грациозно, — размахивая одной рукой, другую по-прежнему упревая в бок, с прямой спиной, ритмично, еле заметно изгибаясь в талии.

БИБЛЕЙСКИЙ КОЛОДЕЦ

Другие поселки были меньше и беднее Хурумейра. Около одного на песке под солнцем сохли тысячи недавно выловленных мелких сардин, которыми на побережье кормят верблюдов. По-

ка ихтиолог группы Володя Демидов мерил их, одну за другой бросая на свой лоток, мы стояли без дела, гадая, сколько ему понадобится времени, чтобы измерить всех рыбок. Мужчины поселка тоже собрались вокруг. Здесь вооруженных было больше, чем в Хурумейре. Старые тяжелые винтовки, затворы, прикрытые куском шерстяного носка, до блеска начищенные стволы, темные иссеченные приклады. Босоногие охотники, воины, рыбаки, закинув руки на винтовки, лежавшие на их плечах, задумчиво следили за действиями ихтиолога.

Когда солнце заметно осело, превратившись в спелый помидор, мы подъехали к большому сложенному из камней колодцу. Без колодцев по Аравии невозможно было бы ни пройти, ни проехать. Они не изменились с того времени, когда в тех же пустынях, правда, много севернее, у одинокого колодца Иаков повстречал Рахиль. «И увидел: вот, на поле колодезь, и там три стада мелкого скота, лежавшие около него, потому что из того колодезя поили стада. Над устьем колодезя был большой камень».

Наш колодец закрывался двумя досками, которые когда-то выбросил океан, в остальном картина была почти та же. Рахиль, маленькая, невзрачная, в длинной черной юбке и красной кофте, забрасывала в колодец кусок автомобильного баллона, разрезанный вдоль и склеенный по краям, наполняя щетинистые бурдюки, поила тихих ослов и бестолково суетившихся овец. На нас она взглянула недоброжелательно, нисколько не надеясь найти среди пятнисто обгоревших советских специалистов своего Иакова, но резиновую бадюжку дала; не обращая на нас внимания, навьючила ослов и не терпеливо стала ждать, пока водители управятся. Собрав свое имущество, она потянула ослов прочь от колодца, овцы покорно засеменяли вслед.

В бачке холодная аденская вода уже кончилась, пришлось пить колодезную. Я впервыепил такую невкусную, жирную, солоноватую воду. Когда все выпили, морщась, по кружке, ихтиолог грустно заметил:

— В ней, должно быть, богатая флора.

В сумерках мы подъехали к крепости. На ее стенах, на расставленных на земле скамейках, на минарете маленькой белой

мечети уже светились карбидные и керосиновые лампы. Вокруг небольшого форта были устроены гнезда для стрелков; на мешках с песком сидели солдаты, пили вечерний чай. Откричал муэдзин, уложили спать детей, затихла скотина, и звуков над пустыней осталось совсем немного — лишь постоянный далекий шум прибоя и на его фоне редкие голоса. Жара, которой, казалось, конца не будет, заметно спала. Очень хотелось скорее смыть с тела покров липкой грязи, из-за которой неприятно было касаться лица, шеи, ног. Мы долго шли к берегу, и уже стало темно, луна, тогда еще не тронутая человеком, четко определилась, проложив по воде свою трассу. Брезгливо стацили липнувшие к спине рубашки, надели купальные трусы, а кое-кто уже вошел в воду, когда Демидов вспомнил об акулах. Он попросил далеко не заплывать, на что мы охотно согласились, и тут же добавил, что, впрочем, и у берега от акул не спастись: по статистике больше всего случаев нападения акул на людей приходится на глубину 70 сантиметров — метр. Мы притихли. Тогда он поспешил нас приободрить:

— Акулу не надо колоть или бить, ее нельзя раздражать. Нужно, тихо поглаживая, по боку, отталкивать от себя, и она уйдет.

Все же у нас остались сомнения.

— А как быть, если она неожиданно отхватит руку или ногу? — спросил кто-то из воды.

— Но ведь у вас в запасе еще три конечности. Будете гладить уцелевшей рукой или ногой, — уверенно ответил Демидов.

Борясь с приливной волной, напищканной песком, думая об акулах, которые где-то мечтали о нас, мы кое-как смыли пыль и взамен покрылись морской солью.

От крепости по белесой пустыне, сделавшейся такой в лунном свете, к нам шел человек; в пятидесяти шагах стало различимо дуло винтовки, торчавшее из-за его плеча. За ним пришел наш сопровождающий, совсем юный работник департамента рыболовства. Остановавшись на берегу и оглядевшись, солдат обратился к нам с речью, то и дело показывая рукой на горы, за которыми начинался Северный Йемен, и часто повторяя слово «пу-пу». Потом он взял меня за руку, повел от воды и не переставал говорить все о том же «пу-пу». Я охотно с ним соглашался.

Юноша из департамента шел сзади и объяснял смысл сцены: солдат отвечает за нас и от греха подальше хочет увести в крепость, чтобы нас не подстрелили люди из-за гор, с которыми последнее время отношения ухудшились.

Ужин был готов. В темноте на костре повар сварил яйца, сделал кофе и чай. Мелкими шажками, закусив нижнюю губу, он бегал вниз и вверх по лестнице, приносил еду и уносил грязные тарелки. Кто-то светил в чашки фонарем, а он разливал чай.

Мы спали на походных кроватях на крыше сторожевой крепости; на каменном мостике слабо горела керосиновая лампа; в углу у стены стоял автоматчик и смотрел в темноту, откуда незаметно мог подобраться противник; луна сначала пробивалась в бойницы, потом поднялась выше и долго освещала спящих. К утру пришлось завернуться в одеяло.

На рассвете маленький кораблик, пришедший за нами ночью, приняв нас на борт, отправился на остров Перим. Он взбирался на волну, скатывался вниз и снова взбирался — через одинаковые промежутки времени взлетали ровно отмеренные порции выхлопного дыма и брызг. На крыше рубки сидеть было удобно и интересно — видны были в деталях отполированные волны и летающие рыбы, часто, почти истерично махающие плавниками-крыльями.

ПОКИНУТЫЙ ОСТРОВ

Через два с половиной часа суденышко подошло к Периму, который огромной подковой лежит посреди Баб-эль-Мандебского пролива. В перимской бухте волны были кроткими, и мы спокойно пристали к стенке. Рядом с причалом торчали ржавые опоры другой, разрушенной, пристани — больших размеров, видны были рельсы старого слипа для подъема и ремонта судов, на берегу валялись мятые железные бочки, скелеты лодок.

Мы долго жали руки встречавшим, арабы обнимались, передали почту, и, наконец полицейский инспектор в новой черной фуражке, с английским стеклом подмышкой, пригласил нас в открытые «лендроверы». Сиденье оказалось похожим на куриный намест, на котором я пытался удержаться, пока машина прыгала по заваленной камнями до-

роге и вдобавок засыпала нас пылью. Кругом была пустыня и только два цвета — черный и песчано-желтый.

«...Древняя история Перима скрыта во мраке», — утверждают историки, не создавая у читателей напрасных иллюзий. В 1511 году вездесущие в те времена португальцы построили на северном берегу острова свою казарму. Что было с островом потом, опять неясно — вплоть до 3 мая 1799 года, до поры общеевропейского противоборства с Бонапартом. В этот день подполковник Маррей, состоявший на службе Ост-Индской компании, высадил на остров десант и объявил его владением Англии, наслаждаясь ароматом победы и досадой узурпатора, которую нетрудно было предвидеть.

Смысл операции заключался в том, чтобы закрыть для Наполеона проход в Индийский океан.

Но какими разочаровывающими и тяжелыми оказались последовавшие за триумфом дни! Остров был гол и безводен. На кораблях издалека везли провиант и пресную воду, которой постоянно не хватало. Солдатские семьи, входившие в состав десанта, пришлось отправить в Бомбей, а позже 26 февраля 1800 года, снялся с места и покинул остров его замученный жаждой гарнизон. Подполковник Маррей, все еще не ставший полковником, сумрачно, то и дело раздражаясь, отдавал приказания повеселевшим солдатам.

Остров снова обезлюдел и до 1839 года, когда англичане оккупировали Аден, никому не был нужен; ужасный корсиканец тоже не обратил на него внимания. В 1851 году на острове уже был маяк, его охранял отряд Ост-Индской компании, а в 1857 году Перим, как и Аден, официально вошел в состав Британской империи. С открытием Суэцкого канала началась процветание бесплодных скал при выходе из Красного моря — на них появились угольные склады одной из бомбейских фирм, которая снабжала топливом проходившие мимо суда. Росли причалы и уже в конце XIX века могли принимать одновременно девять океанских судов; появились дома, мастерские, электростанция и, самое главное, — установка для опреснения воды. Все виды обслуживания были к услугам заходивших в перимский порт пароходов. Туристы останавливались в гостинице, играли в теннис, гольф, крикет и фут-

бол, сидели по ночам в баре, удили рыбу, громко кричали и хлопали на ипподроме, наблюдая состязания конников индийской кавалерии, которые составляли гарнизон острова.

В 1924 году солдаты островного гарнизона восстали, убили своего офицера, ограбили гарнизонную кассу и, прихватив оружие и боеприпасы, дезертировали на материк. Это было самым крупным происшествием на Периме за долгие годы, о нем много говорили, однако на острове с полным равнодушием отнеслись к сообщению о том, что в какой-то день 1921 года в Аденском порту было впервые направлено жидким топливом одно судно. После этого события угольная компания Перима, просуществовала еще 16 лет, год за годом хирея, в то время как Аден строил новые сооружения для бункеровки и хранилища нефтепродуктов. Угольная компания умирала вместе с пароходами, не разгадав будущего, которое счастливым образом открылось Адену.

...Я трясся на своем наместе, прикрывая голые колени шляпой, удерживая ее локтями, и уговаривал самого себя, что терпеть уже осталось недолго — мы ведь, слава богу, на небольшом острове. Передышка случилась нечаянно. Прекрасная фуражка инспектора, сидевшего молча, с грустным лицом, сорвалась с головы и полетела назад к причалу. Соседи полицейского сразу же застучали в заднее стекло водительской кабины, машина остановилась, мальчишка выскочил в медленно оседавшее пыльное облако и набросился на фуражку, не сумевшую далеко улететь. За эти несколько секунд инспектор погрузился еще больше, но, получив свой головной убор, чуть улыбнулся, а я испытал мгновенное счастье покоя.

На острове все было покинуто и разрушалось. Дома из черного камня, без крыш, без оконных рам и дверей, просвечивали насквозь, в пустых проемах мелькало небо и океан; взлетно-посадочная полоса военного аэродрома с облезшим асфальтовым покрытием пришла в полный упадок; бессмысленно торчали неизвестного назначения бетонные колонны, растопырившие прутья арматуры.

Дом для гостей тоже оказался заброшенным и пропыленным. Высокий старик неторопливо убирал комнаты, и ничуть не

смутился, что не закончил работу к нашему приезду, и темп не изменил. Предводительствуемые инспектором, мы прошли через столовую в спальню, где стояли семь кроватей с пышными европейскими перинами, покрытые одинаковыми цветастыми покрывалами. По стенам висели пейзажи художников прошлого века; тихие, прохладные места Шотландии и Северной Англии, деревья над быстрыми неглубокими речками и неподвижными озерами между холмов. В углу грудой валялись старые номера «Панча» и «Мотора». Самым ценным в тот момент был для нас бак холодной пресной воды.

Умывшись, мы отправились осматривать остров и снова ехали мимо тех же разоренных домов.

Около жилой хибарки мы остановились. Я слез, чтобы размять ноги, и тут кто-то сказал рядом на хорошем английском языке:

— А я отсюда видел ваше судно и как вы на берег сошли.

Около меня стоял пожилой человек в белой рубашке и какой-то шапочке на голове, любезно улыбался, показывая стличные искусственные зубы.

— Вы здесь живете?

— Постоянно, это мой остров.

— То есть?..

— Я здесь родился.

Меня заторопили, и, залезая в кузов, я спросил, можно ли на обратном пути заехать и поговорить с ним об острове.

— Конечно, конечно, — закивал человек.

Пока мы ездил в рыбацкий поселок и на маяк, я кое-что узнал о нем.

— Это плохой человек, человек англичан, — сказал юный помощник губернатора провинции, оказавшийся тоже на острове.

— Он агличанам служил, хозяином острова был, его тут не любили. Партизаны его убить хотели, а он убежал. Потом вернулся. Теперь живет, никто его не трогает.

— Он не работает?

— Нет, кому он нужен.

— Он, наверное много помнит. Я хотел бы с ним поговорить. Давайте захватим его в гостиницу.

— Он дурной человек, ему туда нельзя — это народный дом.

— Тогда я поговорю с ним у него.

Помощник, поколебавшись, согласился.

Бывший хозяин острова вышел нам навстречу. Он заискивающе улыбался и, улучив момент, когда инспектор вышел из машины, низко согнулся и чмокнул его в руку. Инспектор остался невозмутим.

Когда-то он был богат и достаточно известен: его упоминает в своей книге «Вид из Стивен-Пойнта» бывший аденский губернатор Джонстон. В последние годы перед независимостью Южного Йемена Шубайли управлял островом, хотя его официальная должность называлась весьма скромно — «старший клерк». Он командовал полицейскими, среди которых был инспектор, тогда сержант, и в то время он не целовал рук своего подчиненного. Сержанты вовремя переориентировались, а он остался «человеком англичан».

Он рассказывал о прошлом, и, когда улыбался, уши его двигались.

— Сначала я работал в компании. Что тут творилось! Пили, дрались, несколько человек утонуло. В 30-е годы репутация компании совсем упала. Они ставляли на пароходы меньше угля, чем те покупали. Сбрасывали уголь с лихтера, который вез его на пароход, а потом выгавливали из воды, сушили и снова продавали. Им уже совсем верить перестали. В 1936 году всего несколько судов сюда зашло, а на следующий год компания прогорела. Все уехали, один служащий остался. Он все документы сжег, что мог, распродал. Крыши, рамы, двери — все вывезли в Аден, в Африку, в Италию. Одни стены остались.

«Лендровер» загудел под окном, в доме для гостей был готов обед, и мы распрощались.

Вечером я вышел на берег. Море было спокойным и неслышным. Стояв несколько минут, я уловил тихое шуршанье: сотни маленьких раков-отшельников направлялись кормиться оставленными отливом водорослями: крабы рыли норы, вдоль берега стояли их пирамиды.

Программа развития

Правительство Народной Республики Южного Йемена приняло новую программу развития страны. В числе других мероприятий предполагается: развивать местные ресурсы; составить обстоятельный план роста экономики; выработать конституцию и учредить народные советы; укрепить вооруженные силы республики; внести поправки в законы в интересах народа; решить проблему пенсионного обеспечения бывших служащих, работавших при англичанах; принять новое трудовое законодательство в интересах рабочих и владельцев предприятий; выполнять все договоры и соглашения, заключенные с другими странами.

В правительстве республики в недавнее время произведены некоторые изменения, которые, по словам премьер-министра страны Мухаммеда Али Хейтама, имеют целью открыть двери для представителей других (кроме Национального фронта) политических группировок. Национальный фронт, заявив на одной из пресс-конференций премьер-министр, не намерен разрешать другим политическим группировкам вести работу внутри страны, но приветствует сотрудничество с ними.

Правительство не собирается национализировать местный капитал и намерено поощрять участие как иностранных, так и местных предпринимателей в дальнейшем развитии экономики, особенно сельского хозяйства.